

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ С.А. ЕСЕНИНА: ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ¹

С.А. СЕРЕГИНА

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Аннотация: Статья посвящена комплексу славянофильских идей в художественном сознании С.А. Есенина и их трансформации в послереволюционном творчестве поэта: в т.н. «библейских поэмах» (1917–1918), в статьях «Ключи Марии» и «Быт и искусство». Под «славянофильскими идеями» поднимаются следующие представления: особый путь и историческая миссия России по отношению к Западной Европе, народ как носитель подлинных духовных ценностей и традиционный русский быт как образец национального искусства, идеализация прошлого, допетровская Русь как ретроспективно-перспективная утопия. В статье прослеживается соотношение и содержательная связь между этими идеями и образами творчества С.А. Есенина (сопричастность эзотерическому народному знанию, обретение «тайны языка» через изучение народной поэзии, символизация крестьянского быта). Доказывается, что в послереволюционных статьях Есенин, как и славянофилы, раскрывает символический мир народного русского быта в метафизическом ключе и создает ретроспективно-перспективную утопию, в основе которой мифологизированное идеализированное прошлое.

Ключевые слова: С.А. Есенин, славянофилы, образ, поэзия, крестьянский быт, утопия.

THE COMPLEX OF IDEAS BY THE SLAVOPHILES IN S.A. YESENIN'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS: THE POST-REVOLUTIONARY TRANSFORMATION

S.A. SEREGINA

A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS

Summary: The article is devoted to the complex of ideas by the Slavophiles in S.A. Yesenin's artistic consciousness and their transformation in the poet's post-revolutionary art: so called 'Biblical poems' and the article 'Mariya's Keys' (the feeling of sharing the esoteric

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432).

This scientific investigation was carried out in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, the project № 17–18–01432).

knowledge which is owned by the folk, the discovery of 'the mystery of the language' through the learning of the folk poetry, the symbolization of the peasant traditional culture). The following ideas are considered to be the Slavophiles' ideas: Russia's unique way of development, the Russian nation's special historical mission towards the Western Europe, the peasant folk as the bearers of true spiritual values and the traditional Russian traditional peasant culture as a sample of national art, the idealization of the past, pre-Peter Russia as a retrospective and prospective utopia. The article analyses the correlation between these ideas and the images in Yesenin's art (It is proved that in the post-revolutionary articles Yesenin (as well as the Slavophiles) uncovers the metaphysical meaning of the symbolic world of the Russian traditional peasant culture.

Key words: S.A. Yesenin, Slavophiles, image, poetry, the traditional Russian traditional peasant culture, utopia.

Временем становления славянофильства как идейного направления принято считать 1839–1848 годы², под славянофильскими идеями обычно понимают «веру в особый путь русского исторического развития и связанное с ней убеждение, что Россия призвана исполнить особую миссию по отношению к Западной Европе; внимание к народу как к главному деятелю истории; признание важного значения общественного мнения; интерес к прошлому и настоящему славянских народов»³. Н.А. Бердяев писал: «Русское национальное сознание родилось в постановке проблемы Востока и Запада. <...> Уже один факт борьбы славянофильства и западничества, которым заполнена русская литература, русская философия, русская общественность, свидетельствует о центральности этой проблемы. Славянофильство было первым опытом национального самосознания и национальной нашей идеологии»⁴. По мнению некоторых исследователей, вокруг идеологии славянофильства так или иначе строится весь русский историко-культурный дискурс⁵.

Сами славянофилы понимали свой союз как начало возрождения национальной духовности, как «подвиг народного самосознания, разъяснивший и определивший те духовные и социальные начала русской народно-

² Цимбаев Н.И. Историсофия на развалинах империи. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. С. 204.

³ Там же. С. 212.

⁴ Бердяев Н.А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. УМКА-Press, 1989. С. 218.

⁵ См., напр.: Зибницкий Э. Наследие славянофилов и современная Россия // Знамя. 2005. № 10. С. 180–191.

сти, которые призваны быть могучими факторами всемирно-человеческого развития и просвещения»⁶.

В известной степени, славянофильский контекст является неизменным для русской литературы: самоидентификация писателей и поэтов происходит, в том числе, и посредством принятия либо отказа от существования в этом контексте. Имя С.А. Есенина в связи со славянофилами упоминается редко и вскользь. Так, В.В. Кожин отождествляет славянофильство с «самобытничеством» и называет Есенина среди тех писателей, которые «так или иначе» развивались «в русле “самобытничества”»⁷. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в художественном сознании Есенина есть определенный славянофильский комплекс – система идей и представлений, которые константны для поэта на всех этапах его творческого развития и которые в той или иной степени восходят к смысловому полю философии славянофилов. Конечно, художественный мир Есенина не может быть описан исключительно на языке славянофильских идеологов. Поэтическое сознание Есенина формировалось в совершенно ином историческом, культурном и литературном контексте. Тем не менее, попытка прочесть новокрестьянскую поэзию вообще и есенинскую в частности сквозь призму философии славянофилов оказывается плодотворной: с одной стороны, она позволяет увидеть развитие славянофильского сюжета в русской культуре на новом материале и в новую эпоху, с другой – есенинские тексты получают новую внутреннюю смысловую перспективу.

Есенин, как и славянофилы, стремился как можно ярче обозначить свое служение «Руси» – «А в сердце светит Русь»⁸ – не только в искусстве, но и в жизни. Известно, что в 1843 К.С. Аксаков, стремясь во всем следовать русским обычаям, «первым из славянофилов отпустил бороду, надел русскую рубаху с косым воротом и мурмолку на голову, заправил панталоны в сапоги, и в таком виде стал появляться на

⁶ *Хомяков А.С.* Церковь одна // Славянофильство: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В.А. Фатеева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 69.

⁷ *Кожин В.В.* О главном в наследии славянофилов // Славянофильство: pro et contra. С. 881.

⁸ *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 1. Стихотворения / Науч. ред. А.М. Ушаков; Подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского, 1995. С. 121. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.

людях»⁹. В начале творческого пути Есенин, как известно, представал перед публикой в несколько театрализованном виде: «Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддевке и сапогах с набором»¹⁰. В известной степени это было данью Серебряному веку с его театрализацией литературного быта и символистским мифотворчеством. Однако здесь можно увидеть и славянофильский след. Есенин словно следует призыву К.С. Аксакова: «С возвращением к народу необходимо возвращение к одежде»¹¹. Одежда здесь становится семиотическим кодом, указывающим на принадлежность его носителя к определенной системе нравственных и эстетических координат.

Если до революции Есенин в «тексте жизни» демонстрирует направленность своих устремлений, то в его послереволюционных теоретических работах («Ключи Марии» и «Быт и искусство») вопрос о единстве и взаимном проникновении искусства и традиционного русского быта становится одним из центральных: «...Из быта же рождается искусство <...> искусство неотделимо от быта» (5; 215). Между тем, именно славянофилы воспевали «русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими»¹². Они, как и Есенин позднее, стремились разглядеть в зеркале русского быта знаки «древней духовной жизни и древнего просвещения»¹³. В коренном укладе народной жизни славянофилы видели «внутреннюю цельность мышления», проникнутую «постоянной памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к божественному»¹⁴.

⁹ *Ширинянц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 13.

¹⁰ *Горький М.* Сергей Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. / Сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 4.

¹¹ *Аксаков К.С.* О современном литературном споре // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М., 2010. С. 182.

¹² *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. Письмо к графу Е.Е. Комаровскому // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 424.

¹³ *Хомяков А.С.* Мнение русских об иностранцах // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 110.

¹⁴ *Киреевский И.В.* Отрывки // Славянофильство: pro et contra. С. 92.

В своих программных послереволюционных статьях Есенин стремился выявить связь предметного мира народной жизни и глубинных пластов национальной нравственности и духовности, представить русский быт как явленный в знаках мир русского духа. Так, образы и фигуры орнамента Есенин интерпретировал в философском и мистическом ключе как «какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте» (5; 186). Поэт раскрывал особый символизм вещей, принадлежавших крестьянскому обиходу: «... Каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы только в пути...» (5; 186). Потенные смыслы элементов русского быта Есенин положил в основу своего «символизма»: миропонимания сквозь призму разгаданных и прочитанных знаков народной жизни. Это был осознанный ход. «Ключи Марии», а также «Быт и искусство» в известной степени наследовали эстетике русского символизма¹⁵, однако своей художественно-философской задачей Есенин здесь видел эстетическую демонстрацию в славянофильском духе: символическое поле народной культуры несет в себе более значимые смыслы, чем символы мировой культуры в целом. Более того, знаковое пространство крестьянского быта позиционировалось Есениным как подлинное и незамутненное, а значит, и обладающее большей культурной ценностью: оно хранило память о самобытных истоках национальной ментальности. Есенин шел по пути указанному славянофилами: через поиск народных особенностей – к оформлению принципов национального бытия.

К.С. Аксаков сказал о человеке из народа так: «русский крестьянин есть лучший человек в Русской земле»¹⁶. Мысль об эзотеричности народного творчества, о том, что русский народ «обладает тайной языка»¹⁷ – одна из основных в системе взглядов славянофилов. Есенин в свою очередь помещает крестьянина в центр своей философской картины мира: он – обладатель «волшебной тайны» (5; 190), скрытой в орнаменте: «Если б хоть кто-нибудь у нас понял в России это таинство, которое совершает наш бессловесный мужик...» (5; 192).

¹⁵ См. об этом подробнее: *Серегина С.А.* «Ключи Марии» и «Отчее слово» С.А. Есенина в контексте символизма // *Эпоха символизма: встреча литературы и искусства: Сб. статей / Сост. М.А. Ариас-Вихиль, К.Л. Лукичева, И.Е. Светлова.* М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 545–558.

¹⁶ *Аксаков К.С.* О современном литературном споре // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды. С. 177.

¹⁷ *Аксаков К.С.* Несколько слов о нашем правописании // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды. С. 135.

Конечно, несмотря на то, что эстетический поиск Есенина шел в направлении, зачинателями которого были славянофилы, необходимо сказать об очевидном отличии их методов познания народной жизни. Взгляд славянофилов – это взгляд со стороны, извне описываемой мировоззренческой системы. Есенинская оптика принципиально иная: поэт принадлежит этой системе и осваивает ее изнутри. В силу этого Есенин ощущает свою сопричастность эзотерическому народному знанию: он способен разгадать явленную в бытовой культуре крестьянина «великую значную эпопею исходу мира и назначению человека» (5; 191). Славянофилы только догадывались о «творческо-мыслительной значности» (5; 200) народной культуры, тогда как Есенин говорит на ее языке. Изучая «орнаментику букв», поэт разгадывает «культуру наших прозрений» (5; 192). Так, омовение лица водою и вытирание его полотенцем с изображением дерева становится в интерпретации Есенина символическим актом, посредством которого крестьянин утверждает свою сопричастность древнему и тайному знанию.

Обрести это знание, можно было «заглянув в сердце народного творчества» (5; 188). А.С. Хомяков, размышлявший о «неисчерпаемых богатствах» и «неподражаемом языке»¹⁸ народной поэзии, сформулировал один из принципов становления и развития писательского таланта: «...Благоговение перед голосом народной старины <...> обязательно для всякого писателя и охраняет его от его собственной ограниченности»¹⁹. Эта мысль была близка А.Н. Афанасьеву, труды которого Есенин знал и любил: «На протяжении всей жизни Есенина почти до самого конца одними из любимых книг и одно время даже настольных его были “Русские народные <точнее, Народные русские> сказки” А.Н. Афанасьева и “Поэтические воззрения славян на природу” того же автора. Он говорил, что черпал из них много материалов для своего творчества» ([Комментарий] IV, 363). А.Н. Афанасьев также призывал писателей учиться мастерству художественного слова у народа: «Самый слог писателей нигде не может воспринять столь крепкую силу и научиться столь метким оборотам, как при изучении языка народного и устной народной литературы в сказках, песнях, пословицах, поговорках, загадках, присловьях, присказках и прозвищах. Этим приобретается та сжатость и вместе та пластичность выражения, о

¹⁸ Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 115.

¹⁹ Там же. С.116.

которых много говорено, но для чего мало сделано, хотя, впрочем, даже и тем, что сделано, еще не воспользовались»²⁰. Этот призыв Афанасьев был близок всем славянофилам: они были убеждены, в том, что «древнерусская, православно-христианская образованность, лежавшая в основании всего общественного и частного быта России, заложившая особенный склад русского ума <...> была остановлена в своем развитии...»²¹. Тем не менее, хранителем этой образованности является народ: «Древнерусская, православно-христианская образованность <...> – та образованность, которой следы до сих пор еще сохраняются в народе»²². Более того, славянофилы, как и позднее Есенин, писали о скором изменении самих принципов мышления: «...Время для полного и общего переворота русского мышления уже недалеко»²³. Новый тип мышления был заключать в себе «самый корень древнерусской образованности»²⁴. Для Есенина новые принципы в искусстве были неотделимы от новых принципов мышления. Отсчет новой эры в искусстве и в жизни начнется с разгадки тайн народного творчества и народной грамоты: «Мы верим, что чудесное исцеление родит теперь в деревне еще более просветленное чувствование новой жизни» (5; 202).

Пожалуй, главное, что свидетельствует о глубинной связи Есенина со славянофилами – это создание идеального образа «Руси», наделенного проективной энергией. Только пространством для творчества является в одном случае – умозрительная сфера, в другом – образный мир.

Неслучайно Есенин пишет о том, что мир крестьянской жизни стоит «вместе с расцветом на одре смерти» (5; 201): тайнопись народного искусства не раскрыта до сих пор. Есенин, владеющий сокровенным знанием, причисляет себя к тем, кто «взбурлил золотые волны новой жизни». Однако в этой новой жизни принципы духовного бытия будут раскрыты еще полнее, нежели в древней Руси. Говоря языком славянофилов, «...воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная,

²⁰ Афанасьев А.Н. Дополнения и прибавления к «Собранию русских народных пословиц и притчей», изданному И. Снегиревым. Цит. по: Барга Л.Г., Новиков Н.В. А.Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1984. С. 386.

²¹ Киреевский И.В. Отрывки // Славянофильство: pro et contra. С. 92.

²² Там же. С. 92.

²³ Там же. С. 98.

²⁴ Там же. С. 92.

полная сил живых и органических, а не колеблющаяся между бытием и смертью»²⁵.

«Допетровская старина»²⁶, «святое в обычаях и нравах отцов»²⁷, «коренные русские нравы»²⁸, – эти понятия формировали в славянофильском тексте топос ретроспективной утопии. Так, для Аксакова московское государство представляло некую «фантастическую идиллию»: «...На русском крестьянстве сосредоточились все патриотические надежды и вся пламенная любовь Аксакова, которому древняя Россия представлялась идеалом человеческого общежития, так русский мужик был для него высшим идеалом человека»²⁹.

О силе воздействия этой утопии писали как оппоненты, так и последователи славянофилов. Первые упрекали их в «ложном мессианизме»³⁰, «политическом утопизме»³¹, в том, что умозрительные построения славянофилов есть «химера»³² и «фантастическая мечта»³³. Герцен категорично писал: «На славянофилах лежит грех, что мы долго не понимали ни народа русского, ни его истории: их иконописные идеалы и дым ладана мешали нам разглядеть народный быт и основы сельской жизни»³⁴.

С другой стороны, даже те мыслители, которые осторожно относились к «фантастическому колориту» славянофильских построений, не могли остаться равнодушными к их высокому пафосу: «...Славянофильство верило слепо, фанатически в неведомую ему самому сущность народной жизни, и вера вменена ему в заслугу»³⁵.

²⁵ Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения.

²⁶ Аксаков К.С. <Россия> // Славянофильство: pro et contra. С. 115.

²⁷ Киреевский И.В. Отрывки // Славянофильство: pro et contra. С. 94.

²⁸ Там же. С. 92.

²⁹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов <фрагмент> // Славянофильство: pro et contra. С. 201.

³⁰ Трубецкой С.Н. Противоречия нашей культуры // Славянофильство: pro et contra. С. 659.

³¹ Перцов П.П. Тень славянофильства // Славянофильство: pro et contra. С. 731.

³² Меньшиков М.О. Суть славянофильства // Славянофильство: pro et contra. С. 674.

³³ Трубецкой С.Н. Противоречия нашей культуры // Славянофильство: pro et contra. С. 656.

³⁴ Герцен А.И. Не наши <фрагмент> // Славянофильство: pro et contra. С. 135.

³⁵ Григорьев А.А. Народность и литература <фрагмент> // Славянофильство: pro et contra. С. 285.

Возвращение к корням означало для славянофилов поиск принципиально новой духовной парадигмы, которая выступила бы альтернативой по отношению к системе ценностей не только Запада, но и современной им России. Безусловно, логика исторического и духовного развития России в представлении славянофилов должна заключаться в становлении национального сознания, укорененного в древнерусской образованности. Однако славянофилы ожидали «полного и общего переворота русского мышления»³⁶, когда смогут раскрыться и воплотиться те смыслы, которые присутствуют в культуре допетровской России, до конца не были раскрыты даже там. В конечном итоге, в текстах славянофилов формировалось пространство ретроспективно-перспективной утопии. Идеализированное прошлое допетровской Руси, увиденное из середины XIX века славянофилами, в их представлении обретало статус проективного образа, воплощение которого неминуемо должно быть: «Странная слепота их тем более удивительна, что они не делали из своих идеалов откровенной утопии, подобно “солнечным” мечтам Платона или Кампанеллы <...> а упорно желали видеть в ней осуществленную уже действительность»³⁷.

Подобное проективное отношение к прошлому становится знаковым отличием культуры Серебряного века. Н.И. Цимбаев приводит формулу В.С. Соловьева: «Славянофильство есть только систематическая форма нашего национализма, и вся сущность его состоит именно только в утверждении непрременной удачи нашего национального дела»³⁸. Исследователь комментирует эту формулу так: «Для Соловьева “славянофильство” не только “форма национализма”, оно тождественно национализму и отличается от “брюшного патриотизма” тем, что включает в себя идеи мессианизма и славянского единения»³⁹. Вслед за Соловьевым Вяч. Иванов определил славянофильство как «метафизику национального самоопределения» и обозначил то главное в славянофильстве, что позднее станет нравственным и художественным ориентиром и для Есенина: «вера в Русь есть утверждение Руси как предмета веры»⁴⁰. Неслучайно В.Ф. Эрн назвал свою статью «Время славянофильствует», обозначив ту парадигму, в рамках которой осуществляли духовный поиск многие его

³⁶ Киреевский И.В. Отрывки // Славянофильство: pro et contra. С. 98.

³⁷ Перцов П.П. Тень славянофильства // Славянофильство: pro et contra. С. 731.

³⁸ Цимбаев Н.И. Историсофия на развалинах империи. С. 187.

³⁹ Там же. С. 187.

⁴⁰ Иванов В.И. Живое предание. Ответ Бердяеву // Славянофильство: pro et contra. С. 762.

современники. Эрну удалось почувствовать «утопический нерв» эпохи: «...То, что казалось чистейшей славянофильской фантастикой и патриотическими сновидениями, начинает сбываться, переходить в явь <...> становится исторической действительностью <...> русская идея всечеловечности загорается небывалым светом над потоком всемирных событий...»⁴¹.

Славянофилы стремились возвести московский быт допетровского времени «на степень нового принципа цивилизации»⁴², но и есенинский принцип «узловой завязи природы с сущностью человека» мыслился поэтом как необходимое условие существования человека в прошлом и именно этот принцип, как ключ, открывал новую эпоху в существовании человечества. «...Здесь мы только в пути, – пророчествовал Есенин в «Ключах Марии», – за шквалом наших земных событий недалек уже берег» (5; 157).

Романтизация прошлого у Есенина и у славянофилов носит характер ретроспективного утопизма. У славянофилов допетровская Русь становилась идеалом не только потому, что она была истоком собственно русской государственности и колыбелью национальной ментальности. Ю.Ф. Самарин признавался: «...Мы дорожим старой Русью не потому, что она старая или что она наша, а потому, что мы видим в ней выражение тех начал, которые мы считаем человеческими или истинными...»⁴³. В работах славянофилов прошлое выступало как идиллическое временное пространство. Уже в дореволюционном творчестве Есенина образ Руси обретает статус онтологической идеи, которая венчает систему его эстетических и этических ценностей. Уже в 1914 году Есенин сделал программное поэтическое заявление, которое славянофилы могли бы начертать на своем знамени:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою» (I, 51).

Эти, казалось бы, простые и всем знакомые поэтические строки хранят в себе код есенинской философии: образ родины замещает собою об-

⁴¹ Эрн В.Ф. Время славянофильствует // Славянофильство: pro et contra. С. 752.

⁴² Пытин А.Н. Славянофильство <фрагмент> // Славянофильство: pro et contra. С. 381.

⁴³ Самарин Ю.В. О мнениях «Современника» исторических и литературных <фрагмент> // Славянофильство: pro et contra. С. 242.

раз рая. Эта замена может быть прочитана не только в традиционном патриотическом ключе. «Не надо рая» именно потому, что Русь воплощает собой для Есенина, как и для Хомякова, онтологический идеал: «... Стари́на русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякого добра»⁴⁴. В дореволюционном творчестве Есенина Русь также выступает «сокровищем неисчерпаемым всякой правды и всякого добра». В этом своем качестве она вмещает и телесную, и метафизическую реальность: «Схимник-ветер шагом осторожным / Мнет листву по выступам дорожным / И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу» (1; 43); «И может быть, пройду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях – крылья херувима, / А под пеньком – голодный Спас» (1; 45) и т. д.

В послереволюционном творчестве Есенина звучание утопической ноты только усилилось: житнетворческий пафос поэта обращен на создание идиллического топоса. Имя есенинской утопии пореволюционных лет – Инония: образ «иной страны», грядущей Руси – взыскуемой и чаемой. Поэтические образы «Инонии», как и других революционных поэм, создают утопический мир Руси, существующей в идиллическом пространстве: за «млечными холмами среди небесных тополей»⁴⁵. В интерпретации поэта постижение народной грамоты даст возможность утопическим проектам стать реальностью: «Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства» (5; 203).

Современники вспоминали, что славянофилы «выступали как пророки будущего, порицающие современников. Они возносились на недосягаемую высоту, с которой <...> презрительно смотрели на гниющий западный мир и на поклонников отживающей свой век цивилизации»⁴⁶.

Революционные поэмы Есенина создавались не только как пророческий метатекст, их отличает обличительный пафос, направленный против технократии западной цивилизации, потерявшей веру и гармонию существования:

⁴⁴ Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 36.

⁴⁵ Подробнее см.: Серегина С.А. Образы поэтической утопии в творчестве Андрея Белого и Сергея Есенина // Соловьевские исследования. Иваново, 2015, № 3 (47). С. 116–129.

⁴⁶ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов <фрагмент> // Славянофильство: pro et contra. С. 190.

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, –
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли! (2; 65)

Позднее, в «Железном Миргороде» Есенин скажет о культуре Запада как о «культуре машин» (5; 170), которой правит «беспощадная мощь железобетона» (5; 167).

Демиургические усилия лирического героя революционных поэм направлены на «прободение в вечность», на прорыв сквозь вечную границу, отделяющую мир этот и иной: «Протянусь до незримого города, / Млечный прокушу покров»; «Подыму свои руки к месяцу, / Раскушу его, как орех» (2; 61–62). Прометеизм лирического героя, соединившего земную твердь и пространство неба, выводит творческий поиск Есенина за пределы комплекса славянофильских представлений. В революционных поэмах Есенин создает теургический проект мироустройства, демонстрируя тем самым свою сопричастность духовному поиску русского космизма⁴⁷.

Тем не менее, остается то, что позволяет увидеть философские построения славянофилов и утопический опыт Есенина как этапы в становлении одной культурной парадигмы – это образ допетровской, Московской Руси. Она была, в конечно итоге, и для славянофилов, и для Есенина неким метафорическим образом, символизирующим не столько историческую реальность гармоничного существования в прошлом, сколько его потенциальную возможность в будущем. Замечательно сказал о славянофилах современник Есенина А.С. Глинка-Волжский: «...Русское прошлое – их родное, лично родное, духовно родное, кровно родное, оно в них, оно – факт их внутреннего опыта, не столько исторического познания, сколько сердечного понимания, духовно-кровного постижения»⁴⁸. Таким же фактом «внутреннего опыта» была для Есенина

⁴⁷ См. об этом подробнее: *Серегина С.А.* Теургический проект мироустройства в *маленьких поэмах* С.А. Есенина // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: X Шешуковские чтения: В 2 ч. М.: Моск. педагог. гос. ун-т, 2005. Ч. 1. С. 399–405; *Она же:* «Маленькие поэмы» С.А. Есенина как циклическое единство // Современное есениноведение: Науч.-методич. журн. Рязань, 2008. № 8. С. 136–144.

⁴⁸ *Глинка-Волжский А.С.* Святая Русь и русское призвание // Славянофильство: pro et contra. С. 741.

на его голубая Русь-Инония, явленная знаками в настоящем, и полностью возможная только в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 888 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
2. Барга Л.Г., Новиков Н.В. А.Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1984. С. 377–426.
3. Бердяев Н.А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. УМСА-Press, 1989. – 712 с.
4. Зибницкий Э. Наследие славянофилов и современная Россия // Знамя. 2005. № 10. С. 180–191.
5. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002.
6. С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2 / Сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. – 446 с.
7. Славянофильство: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиограф. В.А. Фатеева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 1056 с.
8. Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 544 с.
9. Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М.: Изд-кий дом Межд. ун-та в Москве, 2007. – 616 с.